

Роль архитектурного наследия в формировании идентичности русских городов слабо изучена. Практически не освещен вопрос о взаимодействии в городской идентичности материального и нематериального архитектурного наследия. В статье анализируются результаты социологических опросов местного населения ряда русских исторических городов, и по итогам этих опросов выявляются характерные типы восприятия местным населением архитектурного наследия города, характер связи его материальной и виртуальной составляющих в образе города. Ключевые слова: русский исторический город; материальное и нематериальное наследие; социологический опрос; восприятие; образ города. /

The role of architectural heritage in the formation of identity of Russian cities is poorly studied. The interaction of the tangible and intangible architectural heritage is hardly covered. The article analyses the results of sociological surveys among the local population of a number of Russian historic cities. Regarding the results of these surveys, the authors reveal the specific types of the residents' perception of the city's architectural heritage, as well as the connection between its material and virtual components in the image of the city. Keywords: Russian historic city; tangible and intangible heritage; sociological survey; perception; image of the city.

Архитектурное наследие и идентичность русских городов / Architectural heritage and identity of Russian cities

Введение

Интенсивно исследуемая в последнее время проблема городской идентичности неизбежно включает и вопросы, связанные с ролью в ее формировании архитектуры и, в частности, архитектурного наследия. Еще в конце XX века идентичность и архитектура тесно связывались (Х. Норберг-Шульц подчеркивал, что архитектурные особенности города позволяют человеку идентифицировать себя со средой) [1]. В отечественной литературе в XXI веке А. Ю. Согомонов отмечает «<...> тяготение коллективного сознания современных городов к более устойчивым и внятным для внешнего и внутреннего восприятия урбанистическим образам» [2]. Н. Г. Федотова, вслед за Х. Норберг-Шульцем, утверждает, что «архитектура задает дух города, она вызывает впечатления и устойчивые ассоциации, содержащие, в том числе, фрагменты городской памяти» [3]. Действительно, знаковая роль архитектуры и особенно памятников прошлого незаменима для трансляции исторических знаний и оживления образов прошлого, для укрепления в обществе чувства укорененности, связанности с конкретным местом.

Но при всей значительности архитектурного наследия для формирования и укрепления городской идентичности именно его роль применительно к русским городам остается слабо изученной. Почти не раскрыт вопрос о месте в городской идентичности материального и нематериального наследия. Цель данной статьи – осветить некоторые стороны указанной проблематики. Для этого предлагается краткий анализ ряда русских городов с разным уровнем сохранности наследия.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В своей работе мы опираемся на социологические опросы жителей городов, проводившиеся с иными целями, но дающими, тем не менее, важную для нас информацию [4]¹. Кроме того, используется картографический и иконографический материал по рассматриваемым городам.

Города с сохранившимся комплексом важнейших исторических объектов

К этой группе отнесем поселения, сохранившие комплекс важнейших составляющих архитектурного насле-

дия – уникальные сооружения исторического центра, исторически сложившуюся планировочную структуру, в значительном объеме традиционную рядовую застройку. В этой категории упомянем, прежде всего, Новгород и Ярославль. Казалось бы, в обоих случаях легко прогнозируется круг ключевых объектов и сложившийся на их основе образ города. Но в восприятии жителей картина получилась во многом различная. В *Новгороде*, как и ожидалось, местные жители комплексно воспринимали исторический центр: выделяли кремль, в нем – Софийский собор, затем – отходящие от кремля радиальные улицы с древними памятниками-храмами, а за рекой – Ярославово городище. Описывая город, некоторые упоминали об археологических находках, о найденных уникальных берестяных грамотах. В некоторых источниках изредка упоминают привлекательное благоустройство кольцевого сквера вокруг кремлевских стен² (рис. 1).

Опросы показали, что устойчивую основу местной идентичности составляет исторический материал; одновременно жители отмечают достоинства современного быта. Для подавляющего большинства горожан существенны не столько тишина и размеренный ритм жизни областного центра, сколько возможность жить в древнем городе, сохранившем в архитектуре следы прежних эпох и великих событий истории.

К этой группе городов надо отнести и *Ярославль*, который тоже отличается хорошей сохранностью многих объектов наследия, хотя и с утратами важных звеньев исторической городской структуры: пропала городская крепость, старый городской собор [5]. Незаметно, чтобы современные жители воспринимали это как недостаток: они часто называют «кремлем» достаточно центрально расположенный Спасский монастырь с его крепостной стеной и храмами внутри. Характеризуя город в целом, жители говорят о богатой истории, об обилии достопримечательностей. Но при этом в списке значимых мест на первых позициях располагается Волжская набережная и недавно благоустроенная «Стрелка» – ландшафтный мыс при впадении в Волгу реки Которосль. На третьем месте – Театр имени Волкова (создан в 1750 г.), а Спасский монастырь стоит всего на четвертом месте.

текст

Алексей Щенков
Наталья Антонова /
text
Alexei Shchenkov
Natalia Antonova

1. Методика опросов основывается, как правило, на разработках П. Л. Крупкина и С. Д. Лебедева, развивающих исследовательские принципы Э. Дюркгейма

2. Н. Г. Федотова в упомянутой статье [3] сообщает, что среди исследовательских методов применялись: а) качественный экспертный опрос с квотой экспертов по виду деятельности и использованием структурированного опросника, включающего элементы открытых и полужакрытых вопросов. Было опрошено 23 эксперта в области политики, бизнеса, науки и пр.; б) контент-анализ пяти ведущих региональных СМИ. Данная методология позволила определить ключевые маркеры новгородской идентичности, выявить степень их позитивности и контексты актуальности

^ Ярославль. «Стрелка». На дальнем плане за р. Которослью – ансамбль храмов в Коровниках, 1670-е

^ Белгород. Видовая площадка с памятником князю Владимиру, 1998; скульптор В. Клыков

Приходится признать, что приоритет отдается ландшафтным особенностям города и связанному с ландшафтом благоустройству. Расстановка приоритетов объясняется, прежде всего, прагматическими достоинствами объектов: выяснилось, что набережная и «Стрелка» – любимые места отдыха горожан. Высокий же рейтинг театра и Спасского монастыря (сейчас в нем Ярославский музей-заповедник) во многом объясняется их расположением хоть и в стороне от исторического городского ядра, но зато на главной магистрали центра – Первомайской улице, переходящей в Московский проспект (рис. 2).

В рубрике анкеты о примечательных городских событиях в Ярославле историческое смешано с современным: на первом месте – гибель любимой в городе футбольной команды «Локомотив», на втором – открытие первого в России театра (им. Волкова), на третьем – празднование тысячелетия города и только на четвертом – сбор народного ополчения в 1612 году. Престижные места занимают объекты и события, связанные с современной городской жизнью. Характерно отсутствие в списках достопримечательностей нового собора (выстроен в начале текущего столетия на месте разрушенного в XX веке). То, что шкала рейтинга включает реалии современности, вполне естественно: горожанами востребованы яркие ландшафтные особенности места, но кроме того – памятники или воспоминания недавнего прошлого.

Города, утратившие заметные исторические доминанты

Этот раздел мы начнем с рассмотрения *Белгорода*. В XIX – первой трети XX в. Белгород был поселением уездного масштаба с населением 30–40 тысяч человек. В Великую Отечественную войну город был почти полностью разрушен; к моменту освобождения в нем не было не только заметных исторических доминант, но и большей части застройки как таковой. Тем не менее это тоже исторический город, в XVII веке узел одной из оборонных линий Засечной черты. От наследия того времени сохранился только один храм конца XVII в.; из более поздних памятников в городе есть две церкви, датируемые XVIII столетием, сохранилось несколько небольших храмов и ценных гражданских построек первой

половины – середины XIX в. Сейчас в городе преобладает прямоугольная сетка улиц и послевоенная периметральная застройка.

Людские потери военных лет, не оставившие в Белгороде «старожилов», в послевоенные годы компенсируются миграцией, вызванной активным развитием промышленности Белгородской области (сегодня население города составляет примерно 340 тыс. человек). Существенные изменения в составе населения так же, как и утраты исторической застройки, не могли не сказаться на формировании идентичности горожан, однако материал опросов показывает, что их результаты, при некоторой специфичности, вполне вписываются в картину, образуемую опросами по другим городам [6].

В восприятии жителей отсутствует внимание к исторической застройке. Немногочисленные памятники архитектуры, разбросанные по кварталам центра, практически не упоминаются. В числе достопримечательностей выделяются прогулочные пространства обширных бульваров, система крупных площадей центра. Город в сознании его жителей традиционно «центрируется» вокруг главных площадей и парков; вне центра упоминаются только редкие объекты: диорама «Прохоровское поле», «исторический дуб» в пригороде Белгорода (реликтовый дуб в преданиях связывается с именами посещавших город российских императоров Петра I и Екатерины II). Для молодежи важный ориентир – Белгородский университет. Наряду с центральными площадями в последние десятилетия начинает выделяться в качестве примечательного городского пространства район за речкой Везелка, где ведется активное новое строительство и где расположен значимый для горожан архитектурно-пространственный узел – видовая площадка с памятником Св. князю Владимиру (рис. 3).

Этот памятник можно считать недавно возникшей новой идеологической доминантой, определяющей городскую идентичность. Появление памятника обусловлено легендой об основании города великим князем Владимиром (некоторые историки XIX и XX веков датировали основание города X веком, но современная наука относится к этой версии скептически [7]). Социологи находят, что имя крестителя Руси кн. Владимира было «раскру-

чено» местными краеведами в 1990-е годы, и это было хорошо принято населением, особенно – молодежью; население пренебрегло возможностью ошибки и согласилось с версией о возведении города князем. В этом можно видеть потребность горожан декларировать свою укорененность в российской истории. По принятой версии время рождения города отодвигается на полтысячелетия, крепость – южная окраина Московской Руси – осознается еще и северной окраиной Руси Киевской.

Существенно, что город помнит свое историческое прошлое, помнит, как выяснилось, что он – город-воин. В этом плане важно, что главной содержательной особенностью города все жители признают его связь с расположенным в шестидесяти километрах от него Прохоровским полем – местом Курской битвы, ключевого танкового сражения Второй мировой войны. Нечастый и весьма примечательный случай, когда важнейшая доминанта городской идентичности находится вне городского пространства и даже вне зоны видимости из города.

Можно признать, что город чувствителен к раскрытию своей идентичности, помнит о своей истории – и древней, и новейшей, но, что тоже важно, видит в своем образном строе, прежде всего, черты современного благоустроенного поселения. Горожане справедливо считают особенностью Белгорода его чистоту и ухоженность, спокойный и упорядоченный жизненный уклад.

Белгород не единственный старый город России, утративший почти всю историческую застройку и старую структуру поселения и сохраняющий историческую память о довоенном прошлом преимущественно благодаря нематериальному наследию. Но таких примеров относительно немного по сравнению с обилием городов, в которых осталась без существенных изменений старая планировка, заметная часть исторической застройки центральных районов, однако пропали исторические доминанты, определявшие образ города. По преимуществу это небольшие города уездного масштаба.

Несмотря на утраты в городской архитектуре, на невысокий уровень их благоустройства, большая часть жителей любит свой город, привязана к традициям его быта. Города могут различаться по своему характеру, по возникающим в городах проблемам их своеобразия и идентичности, но везде есть проблемы осмысления связи их материального и нематериального культурного наследия. Имеющийся материал позволяет кратко представить два разных типа таких городов.

Первый из них – *Острогожск* (Воронежская обл.). Город возник как оборонный пункт Засечной черты в XVII веке (хотя есть упоминания о поселении в этом месте в XII веке). В 1930-е годы город потерял важнейшие историко-культурные памятники, датировавшиеся XVIII–XIX вв., в войну – заметную часть жилых домов, хотя несколько примечательных зданий осталось.

При скудности сохранившихся в городе материальных памятников прошлого, у жителей Острогожска, как убеждают исследователи, «сильная историко-культурная идентичность». Во-первых, у них устойчивая память о военном прошлом города, охранявшем рубежи страны. Во-вторых, жива память об Острогожске как о центре большого уезда, о центре культуры. Один из любимых образов: Острогожск – Воронежские Афины [8]. Особое место в ряду феноменов, именуемых «местами памяти», занимает омывающая границу города речка Тихая Сосна. Река уже давно не судоходна, но остается важным компонентом образа города. Здесь купаются, ловят рыбу, но главное – с рекой связаны исторические предания, легенды, воспоминания и поэтические произведения. Для уездного города, утратившего свои архитектурные доминанты, скромная речка – значительный вклад в палитру раритетов, формирующих городскую идентичность.

Традиционные образы идентичности связываются с современностью благодаря заботе о поддержании исторической памяти, о внешней благоустроенности города.

Общее с Острогожском можно увидеть в другом небольшом историческом городе – *Данилове* Ярославской области (поселение известно с XV в., город – с XVIII в.). Здесь тоже невелика материальная составляющая городской идентичности, утрачены исторические внутригородские доминанты. Закрытый в 1930-е годы городской собор (1820) лишен завершений и полностью перестроен с приспособлением под Дом культуры. Соборная площадь в советское время заросла и постепенно превратилась в фрагменты какого-то мемориального парка: в разросшейся зелени нашли свое место памятники Борцам Революции, Героям Войны, Труженикам тыла, Погибшим в локальных конфликтах. Практически целиком снесен Никольский храм рядом с Торговой площадью. Значительная ее часть в XIX веке была занята частной усадьбой, сад которой со временем стал очень популярным маленьким городским парком, ныне заброшенным.

В 2009–2011 годах в Данилове достаточно широко проходило обсуждение вопроса о том, как и что горожане видят привлекательного и ценного в своем городе [9]. Горожане эмоционально высказывали свою любовь к городу, выражая при этом сожаление по поводу утраты городских храмов, по поводу низкого благоустройства центральных улиц города. Самое, пожалуй, важное заключалось в том, что и жители, и включавшиеся в дискуссию иногородние согласны о наличии у города часто «забываемой» в официальных документах значительной содержательной доминанты. Ею оказался собор пригородного Казанского монастыря «на Горюшке», который был возведен у самой границы исторического города. Его строительство было начато перед Первой мировой войной, в 1930-е годы монастырь был закрыт, в значительной степени разрушен, теперь восстанавливается после утрат середины прошлого века. По убеждению горожан и приезжих, этот собор – главная достопримечательность города. Данилов, как и Белгород, и некоторые другие города показывает важность пригородных доминант для раскрытия идентичности города.

Представленные примеры дают образцы разного сочетания визуального и виртуального в городах с разной сохранностью материальных объектов наследия. Но картина была бы существенно неполной без анализа городов с минимальной сохранностью материальных объектов прошлого, но при этом с ярко выраженной идентичностью.

Нематериальное наследие как ключевой фактор городской идентичности

Особую категорию составляют поселения, полностью или почти полностью утратившие материальное наследие, так что ключевой составляющей современной идентичности оказывается память об уже исчезнувшем городе. Речь пойдет о небольших городах, затопленных при устройстве волжских и шекснинского водохранилищ в 1930–1960-х годах. Для тысяч людей с этим были связаны не только тяготы переселения и неустроенного быта на новом месте, но особенно – обрыв всех связей устоявшейся жизни, разрушение любимого родного места. Как выяснилось, это была травма такой силы, что память о ней и поныне передается из поколения в поколение.

Одним из затопленных городов была *Молога*, полностью ушедшая под воду. Жители были распределены по соседним районам, для части переселенцев отведена земля на окраине Рыбинска. Историческая коллективная память переселенцев послужила мотивом создания музея в Рыбинске, куда переехала большая часть населения Мологи. Идея создания музея затопленного города впервые была выдвинута в конце 1980-х годов землячеством моголжан, существующим с 1969 года в Ленинграде-Пе-

^ Калязин. Колокольня (1800) затопленного Никольского собора (1694)

^ Юрьеvec на Волге. Сквер памяти утраченных храмов, 2010-е; арх. М. Гукетлов

тербурге и в Рыбинске. Благодаря активной деятельности инициативной группы этого землячества, администрации Рыбинского краеведческого музея и отдела культуры Рыбинского горисполкома для этой цели было выделено здание часовни бывшего подворья Мологского Афанасьевского монастыря в Рыбинске. 12 августа 1995 года в отреставрированной часовне состоялась официальное открытие Музея Мологского края.

Монастырское подворье возникло в XIX веке; в 1869 году был утвержден проект его строительства на пожертвованной в его пользу городской земле. Здание часовни было построено в 1871 году и освящено в честь Тихвинской иконы Божией Матери [10].

Памятное нематериальное наследие затопленного города определило внутреннее единство социальной группы, ее особую идентичность, которая преемственно сохраняется и в последующих поколениях. Землячество ведет активную общественную работу при музее и на сайте землячества (Мологская библиотека-читальня, Мологский кинематограф и др.).

На примере землячества мологжан мы видим, как осознание людьми своей связи с местом и его историей сохраняется даже тогда, когда город исчезает с лица земли. Не исчезают и становятся символическими его название и история. Утрата материального в данном случае становится катализатором сохранения идентичности, доминирующим фактором, скрепляющим сообщество людей.

Калязин. Колокольня Никольского собора. В отличие от полностью затопленной Мологи, в Калязине под водой оказалось не все, но значительная прибрежная часть города, в которой были сосредоточены основные архитектурные доминанты. Там размещалась главная торговая площадь с храмовым комплексом Никольского собора (1694) и церковью Иоанна Предтечи (1792), гостинный двор. На набережной располагались особняки купечества. Панораму этой части Калязина формировали еще несколько церквей. Край волжской панорамы города фиксировал ансамбль Свято-Троицкого монастыря, изначально сложившийся как оборонительная крепость (рис. 4).

Центр Калязина оказался на дне рукотворного моря. Над водой осталась только колокольня (1800) уничтоженного Никольского собора, имеющая в высоту 74,5 м.

В отличие от других памятников, она не была снесена, поскольку служила маяком, а позже – парашютной вышкой [11].

Город продолжает существовать на своем историческом месте, но свою идентичность жители Калязина продолжают связывать с затоплением территории, с трагедией людей, которую хранит историческая память. Об этом свидетельствует социальный опрос населения, предшествующий выбору территории для представления на конкурс проектов благоустройства малых городов 2018 г. Одним из условий конкурса было осознание и отражение в проекте самоидентификации жителей. Символом идентичности Калязина стала Никольская колокольня. Основной замысел разработавшегося проекта основан на представлении культурно-исторической роли сохранившейся доминанты (памятника архитектуры и выразителя коллективной исторической памяти).

Юрьеvec. Сквер памяти утраченных храмов. На набережной Волги в Юрьеvecе был разбит «Сквер памяти утраченных храмов», затопленных при создании Горьковского водохранилища. В 1950-е годы при заполнении водохранилища нынешний центр Юрьеvecца защитили дамбой, но вторая половина города была затоплена. Памяти этого этапа истории была посвящена главная идея проекта «Сквера утраченных памятников». По проекту благоустройства на дамбе появилась рекреационная территория, планировочное решение которой символически воссоздает старое и новое русло Волги. Доминантой композиции стала часовня в воде – мемориал исчезнувшим культовым зданиям (рис. 5).

На набережной в сквере проектировщики объединили в мемориальную зону фрагменты церквей, которые когда-то стояли в разных частях Юрьеvecского района. Авторы подчеркивали (рук. проекта М. Гукетлов), что проект набережной создавали в том числе по историческим фотографиям берега реки до строительства дамбы. Планировка сквера и размещение малых архитектурных форм, по мнению авторов, «повторяют» планировку затопленной части города [12].

И в данном случае мы видим, что историческая память о затоплении городов доминирует среди факторов, определяющих городскую идентичность. Это выражается

в символическом воссоздании утраченного материального наследия при том, что нематериальное наследие сохраняется на протяжении длительного времени. Осуществленный «памятник» утраченному – характерный пример потребности перевести память в материальное выражение.

Заключение

Завершая статью, надо на основании изложенного выделить основные типы взаимосвязи материального и нематериального наследия в городской идентичности рассмотренных поселений, показать, как в разных ситуациях решается главный вопрос – раскрытие содержательности города в глазах сообщества его жителей.

В восприятии города жителями Великого Новгорода мы обнаруживаем наиболее полное слияние образов материального и нематериального наследия, формирующих цельность картины исторического поселения. Новгородцы, насколько можно судить по проводившимся исследованиям, донине живут памятью о значимости истории своего города, осознают себя наследниками его культурного достояния. Для них ценна отмечавшаяся выше возможность «жить в древнем городе, сохранившем в архитектуре следы прежних эпох».

Иначе строится идентичность жителей Ярославля. Они любят свой город, не хотят уезжать, хотели бы, чтобы и дети жили здесь. Но богатое культурное наследие, украшая город, не занимает, как мы видели, ключевого места в их представлении о родном Ярославле. Укажем, что подобная картина характерна еще для Владимира, Нижнего Новгорода. Можно предположить, что чем крупнее город и сложнее его современная жизнь, тем больше компонентов культуры новейшего времени входит в комплекс признаков, составляющих его идентичность. Древности оттесняются в сознании жителей на второй план, хотя из такого правила бывают исключения, на которых мы сейчас не останавливаемся.

В отличие от городов, названных выше, Белгород не располагает богатым материальным наследием, таким, как крупные памятники прошлого, традиционная застройка. Тем не менее, тема прошлого, знания и представления о местной истории занимают важное место в сознании горожан. Нематериальное наследие оказывается богаче материального. Возникшее несоответствие компенсируется, прежде всего, привлечением памятника, далеко расположенного от города – монумента Победы на Прохоровском поле. А память о более глубоком историческом слое, о важном городском мифе, потребовала закрепления в самом Белгороде созданием монумента князю Владимиру.

Необходимо остановиться и на теме затопленных городов. Это тоже примеры поселений с сильно выраженной идентичностью, причем в равной мере показательны и Калязин с его замечательной колокольней, и Молога, от которой на поверхности не осталось ничего. Нематериальное наследие превалирует во всех упомянутых примерах. При этом везде присутствует стремление материализовать память о разрушенном городе. В Мологе это связано с мOLOGским подворьем в Рыбинске, в Юрьевце – с созданием макетов утраченного почти на месте утраты.

Рассмотренные примеры показывают, насколько тесно связаны материальные и нематериальные составляющие городской идентичности, как важен анализ механизмов их взаимодействия. В частности, без такого анализа невозможно решение современных проблем охраны архитектурного наследия исторических городов.

Литература

1. Norberg-Schulz Chr. Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture. – New York, 1980. – P. 65

2. Согомонов, А. Ю. Современный город: стратегия идентичности // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html> (дата обращения: 04.04.2017)
3. Федотова, Н. Г. Визуальные носители культурной памяти города (на примере Великого Новгорода) // ПРАКСЕМА. – 2019. – № 2. – С. 42–62
4. Крупкин, П. Л., Лебедев, С. Д. К основаниям локальных идентичностей // Социологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 35–48
5. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля: итоговый аналитический отчет о результатах массовых опросов населения. – Москва, 2016. – 120 с.
6. Истомин, А. Г., Лебедев, С. Д. Локальная идентичность жителей города Белгорода: по материалам качественного исследования // Научный результат. Социология и управление. – 2015 – Том 1. – Вып. № 2. – С. 15–26
7. Раздорский, А. И. Письмо в редакцию по поводу «1000-летия» г. Белгорода // Отечественная история: научный журнал. – Москва. – 1997. – № 5. – С. 192–199
8. Мы здесь живем. Социальная антропология малого российского города. – Москва: РГГУ, 2013. – С. 283, 291–292
9. Данилов: вояж в прошлое. 13.08.2009. – URL: <https://www.otzyv.ru/read.php?id=59794> (дата обращения: 13.08.2019)
10. Музей МOLOGского края. – URL: <http://www.museum.ru/m2108> (дата обращения: 27.05.2020)
11. Герчук, Ю., Домшлаг, М. Художественные памятники Верхней Волги. – Москва: Искусство, 1968. – С. 54–61
12. Благоустроенная Русь. Посмотрите, как меняется Ивановская область. – URL: <https://strelkamag.com/ru/article/kak-menyaetsya-ivanovskaya-oblast> (дата обращения: 22.05.2020)

References

- Blagoustroennaya Rus. Posmotrite kak menyaetsya Ivanovskaya oblast [Comfortable Russia. Look how the Ivanovo region changes] (n.d.). <https://strelkamag.com/ru/article/kak-menyaetsya-ivanovskaya-oblast>
- Danilov: voyazh v proshloe [Danilov: travel to the past] (2009, August 13). <https://www.otzyv.ru/read.php?id=59794>
- Fedotova, N.G. (2019). Vizualnye nositeli kulturnoy pamyati goroda (na primere Velikogo Novgoroda) [Visual carriers of city's cultural memory (based on the example of Velikiy Novgorod)]. PRAKSEMA, 2, 53.
- Gerchuk, Yu., & Domshlag, M. (1968). Hudozhestvennye pamyatniki Verhney Volgi [Art monuments of Verhnaya Volga]. Moscow: "Iskusstvo".
- Istomin, A.G., & Lebedev, S.D. (2015). Lokalnaya identichnost zhiteley goroda Belgoroda (po materialam kachestvennogo issledovaniya) [Local identity of Belgorod's citizens (based on materials of quality research)]. Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie. (Vol.1, issue 2).
- Krupkin, P.L., & Lebedev, S.D. (2013). K osnovaniyam lokalnyh identichnostey [To the bases of local identities]. Sotsiologicheskiy zhurnal, 4, 35–48.
- Muzey Mologskogo kraya [Museum of the Mologa region]. Muzei Rossii. <http://www.museum.ru/m2108>
- My zdes zhivem. Sotsialnaya antropologiya malogo rossiysskogo goroda [We live here. Social anthropology of a small Russian town]. (2013). Moscow: RGGU.
- Norberg-Schulz, Chr. (1980). Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture. New York.
- Razdorskiy, A.I. (1997). Pismo v redaktsiyu po povodu «1000-letiya» g. Belgoroda [Letter to the editor on the occasion of Belgorod's 1000th anniversary]. Otechestvennaya istoriya: nauchny zhurnal, 5, 192—199. Moscow.
- Sogomonov, A.Y. Sovremenny gorod: strategiya identichnosti [Contemporary city: strategy of identity]. Neprikosnovenny zapas, 2 (70). <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html>
- Zadorin, I.V., Evstifeev R.V. et al. (2016). Gorodskie lokalnye identichnosti kak osnova formirovaniya ustoychivnyh mestnyh soobschestv. Issledovanie obshchegorodskiyh identichnostey zhiteley Vladimira, Smolenska, Yaroslavlya [Urban local identities as a basis of forming sustainable local communities. Study of common urban identities of Vladimir, Smolensk and Yaroslavl citizens]. Issledovatel'skaya gruppa TSIRKON. (pp. 90–101). Moscow.